Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 442–462
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-442-462
EDN: EWOVXR

Научная статья / Research article

«Доктрина Сулеймани»: сетецентрическая безопасность и гибридная парадигма в Западной Азии

А. Зареи, А.Ш. Ниязи

Исламский университет Азад, Тегеран, Исламская Республика Иран
ali.zareei@iau.ac.ir

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению «доктрины Сулеймани» как новой парадигмы безопасности в Западной Азии на основе качественного интерпретативного подхода. В отличие от преобладающих исследований, трактующих региональную стратегию Ирана преимущественно в рамках реалистических и государственно-центричных моделей, данная работа предлагает теоретически обоснованный концептуальный анализ, направленный на реконструкцию организационной логики доктрины как сетецентричной и гибридной модели безопасности. Центральный исследовательский вопрос состоит в том, каким образом формируется «доктрина Сулеймани» и какие ключевые элементы определяют ее операционную логику в условиях сложных региональных угроз. На основе академической литературы, институциональных документов и публичного дискурса выделено три взаимосвязанных компонента: (1) сетевая архитектура власти, обеспечивающая координацию государственных и негосударственных акторов; (2) формирование идентификационного дискурса как механизм транснациональной консолидации и легитимации; и (3) оперативное управление рисками, включающее гибридные и асимметричные практики. Не ставя целью оценку эмпирической эффективности данной модели, исследование показывает, как указанные компоненты образуют внутренне согласованную систему безопасности, способную обеспечивать стратегическую глубину за пределами традиционных государственно-центричных подходов. Предлагая аналитически конкретную реконструкцию «доктрины Сулеймани», статья вносит вклад в дискуссию в области критических исследований безопасности и международных отношений незападного мира, демонстрируя альтернативную модель управления безопасностью, основанную на региональных практиках и контекстуальной логике.

Ключевые слова: Касем Сулеймани, гибридная война, сеть безопасности, связанная с Ираном, стратегическая глубина

Вклад авторов. Зареи А.: разработка дизайна и методологии исследования; обзор научной литературы; сбор, систематизация и анализ исследовательских материалов; подготовка и доработка рукописи. Ниязи А.Ш.: формирование первоначальной концепции исследования; проведение предварительного исследования; прочтение рукописи и предоставление содержательных комментариев. Оба автора прочитали и одобрили окончательную версию статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Зареи А., Ниязи А. Ш.* «Доктрина Сулеймани»: сетецентрическая безопасность и гибридная парадигма в Западной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 442–462. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-442-462; EDN: EWOVXR

© Зареи А., Ниязи А.Ш., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

The Soleimani Doctrine: Network-Centric Security and the Hybrid Paradigm in West Asia

Ali Zareei ✉, Aref Shorbi Niyazi

Islamic Azad University, Tehran, Islamic Republic of Iran
✉ali.zareei@iau.ac.ir

Abstract. This article conceptualizes the *Soleimani Doctrine* as an emergent security paradigm in West Asia, using a qualitative, interpretive research approach. While dominant analyses interpret Iran's regional strategy primarily within realist and state-centric frameworks, this study adopts a theory-guided conceptual analysis to reconstruct the organizing logic of the doctrine as a network-centric and hybrid security model. The central research question examines how the Soleimani Doctrine is constituted analytically, and what are the core pillars that structure its operational logic in relation to complex regional threats. Drawing on academic literature, institutional documents, and public discourse as analytical data, the article identifies three interrelated pillars: (1) a network power architecture for coordinating state and non-state actors; (2) identity-based discourse production as a mechanism of transnational cohesion and legitimation; and (3) operational risk management incorporating hybrid and asymmetric practices. Rather than assessing empirical effectiveness, the study demonstrates how these pillars function together as an internally coherent security framework that generates strategic depth beyond conventional state-based models. By offering an analytically explicit reconstruction of the Soleimani Doctrine, the article contributes to discussions within Critical Security Studies and non-Western international relations by illustrating an alternative mode of security governance grounded in regional practices and contextual logics.

Key words: Qasem Soleimani, hybrid warfare, Iran-aligned security network, strategic depth

Authors' contributions. A. Zareei: development of the research design and methodology; literature review; collection, systematization, and analysis of research materials; drafting and revision of the manuscript. A.S. Niyazi: initial research conceptualization; conducting the preliminary study; review of the manuscript and substantive comments on its content. Both authors read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Zareei, A., & Niyazi, A. S. (2026). The Soleimani doctrine: Network-centric security and the hybrid paradigm in West Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 442–462. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-442-462; EDN: EWOVXR

Введение

В XXI в. система безопасности на Ближнем Востоке претерпела кардинальные изменения, бросив вызов традиционным парадигмам международных отношений, основанным на национальном государстве и военном балансе сил. Появление негосударственных субъектов, изменчивость национальных границ и сложность гибридных угроз — от информационной войны до психологических и экономических операций — снизили эффективность классических структур безопасности[1].

На этом неспокойном фоне Исламская Республика Иран под командованием генерал-лейтенанта Касема Сулеймани разработала стратегию, которая не только отвечала на новые угрозы, но и переопределяла правила региональной игры в сфере безопасности. Эту стратегию, именуемую здесь «доктриной Сулеймани», можно анализировать не просто как военную тактику, а как сетецентрическую модель безопасности, которая сместила логику власти от симметричной конфронтации к асимметричному, распределенному и сетевому влиянию[2].

[1] Global Strategies: Hybrid Warfare in the Middle East // LSE Ideas. 2017 (February). URL: https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/reports/LSE-IDEAS-Hybrid-Warfare-in-the-Middle-East.pdf (accessed: 05.10.2025). См. также: (Hoffman, 2007).

[2] См.: Soufan A. Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy // CTC Sentinel. November 2018. Vol. 11. Iss. 10. URL: https://ctc.westpoint.edu/qassem-soleimani-irans-unique-regional-strategy/ (accessed: 05.10.2025); Brodsky J.M., Mansharof Y. Soleimani Birthed Iran's Axis of Resistance, Ghaani Coordinated It // Middle East Institute.

В этом контексте и ради концептуальной точности в данном исследовании используется термин «сложные региональные угрозы» для обозначения взаимосвязанных вызовов, исходящих от такфиристских негосударственных субъектов (таких как ИГИЛ[3]), внерегиональных военных интервенций, проводимых Соединенными Штатами, и многоуровневых гибридных операций, осуществляемых Израилем. Соответственно, термин «доктрина» здесь используется для обозначения не только системы концептуальных взглядов, но и всеобъемлющего набора руководящих принципов и оперативной логики, из которых вытекают конкретные стратегии, что объясняет, почему «доктрина Сулеймани» рассматривается как мировоззрение и действенная система обеспечения безопасности.

Доктрина возникла как активный ответ на два крупных геополитических сдвига, коренящихся в глобальных стратегиях США и Израиля, оба из которых напрямую угрожали безопасности Ирана и региональному балансу сил. Первым был возглавляемый США стремительный процесс перестройки регионального порядка после терактов 11 сентября 2001 г. В этот период был сформулирован амбициозный проект «Большой Ближний Восток» как стратегическая основа[4], а тогдашний госсекретарь США Кондолиза Райс продвигала доктрину «конструктивного хаоса» для оправдания далеко идущих преобразований в регионе[5]. Этот подход достиг кульминации в военных вторжениях в Афганистан (2001) и Ирак (2003) с двойной целью: геополитического инжиниринга и ослабления инфраструктуры сопротивления государств-соперников. Эти интервенции имели два стратегических последствия для национальной безопасности Ирана: (1) формирование геополитического окружения посредством размещения американских и натовских сил вдоль восточной и западной границ Ирана и (2) управляемый коллапс центральных правительств, создавший огромные вакуумы безопасности и беспрецедентные условия для роста экстремистских негосударственных субъектов, таких как «Аль-Каида»[6] и ИГИЛ (запрещено в РФ) (Wehrey, 2014).

В этой нестабильной обстановке классические структуры национальной обороны, основанные на постоянных армиях и фиксированных границах, оказались крайне неэффективными против изменчивых транснациональных угроз. В то же время стратегия безопасности Израиля, известная как «Кампания между войнами», добавила еще один уровень сложности, осуществляя превентивные, целенаправленные операции в глубине стратегически важных районов Сирии и Ирака. Эта стратегия, направленная на подрыв сети командования и логистических сетей государственных и негосударственных субъектов, связанных с Ираном (обычно называемых «осью сопротивления»), сочетала кибератаки и психологическую войну, фактически переместив поле боя в «серую зону», где различие между войной и миром становится практически бессмысленным (Shelah & Valensi, 2023). Такие многоуровневые угрозы: сочетание военных действий, терроризма, информационной войны и экономических санкций — требовали ответа, выверенного на том же уровне сложности и масштаба.

В этих условиях «доктрина Сулеймани» возникла не как реактивная мера, а как проактивная контрдоктрина. Точно понимая меняющуюся природу угроз, она учла логику поля боя, одновременно обращая против противников те же самые инструменты, которые они ис-

December 15, 2023. URL: https://www.mei.edu/publications/soleimani-birthed-irans-axis-resistance-ghaani-coordinated-it (accessed: 05.10.2025).

[3] Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

[4] Wittes T. C. The New U.S. Proposal for a Greater Middle East Initiative: An Evaluation // Saban Center for Middle East Policy at the Brookings Institution. May 10, 2004. URL: https://www.brookings.edu/articles/the-new-u-s-proposal-for-a-greater-middle-east-initiative-an-evaluation/ (accessed: 05.10.2025). См. также: (Daigle, 2017, pp. 758–765).

[5] Rice C. The Promise of Democratic Peace // The Washington Post. December 10, 2005. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2005/12/11/the-promise-of-democratic-peace/72b0648b-50a0-4c6f-9956-e3dd3f4d572c/ (accessed: 05.10.2025).

[6] Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

пользовали. Вместо статичной защиты границ доктрина делала упор на управление кризисами в источнике; вместо стремления к симметричному балансу сил она опиралась на асимметричное балансирование, превращая угрозы в возможности для переосмысления стратегической глубины Ирана[7].

В данном исследовании используется качественный, интерпретативный подход, основанный на теоретическом концептуальном анализе и документальных источниках, для изучения возникновения и внутренней логики «доктрины Сулеймани» как отдельной парадигмы безопасности. Цель исследования — ответить на следующий вопрос: как «доктрина Сулеймани» формировалась в качестве альтернативной модели безопасности, на каких основополагающих столпах и организующих принципах она основывалась и какие аналитически наблюдаемые последствия она имеет для управления сложными региональными угрозами?

Центральное аналитическое положение исследования заключается в том, что «доктрина Сулеймани» отличается от классических государственно-центричных парадигм безопасности, реализуя локально укорененную, сетецентричную модель, структурированную вокруг трех взаимосвязанных столпов:

1) архитектура сетевой власти, которая регулирует координацию в экосистеме государственных и негосударственных субъектов;

2) инженерия дискурса идентичности, которая конструирует и стабилизирует транснациональную идентичность, ориентированную на сопротивление, посредством секьюритизирующих нарративов;

3) управление оперативными рисками, которое регулирует динамику эскалации посредством гибридных и асимметричных практик. Помимо того, что в исследовании доктрина рассматривается как контекстно-специфический ответ на региональную нестабильность, она также позиционируется как концептуально целостная незападная концепция, имеющая более широкое аналитическое значение для изучения управления безопасностью в нестабильных и конфликтных регионах.

Методология исследования

В данном исследовании используется качественный, интерпретативный подход, основанный на концептуальном теоретическом анализе, позволившем изучить «доктрину Сулеймани» как формирующуюся парадигму безопасности, а не как формально кодифицированную военную доктрину. Такой подход подходит для изучения моделей безопасности, основанных на практике, сконструированных дискурсивно и встроенных в конкретные региональные контексты (Creswell, 2013).

Анализ проводился в три этапа.

Во-первых, доктрина была концептуально реконструирована путем выявления повторяющихся закономерностей в стратегической практике, институциональной координации и публичном дискурсе, связанных с поведением Ирана в сфере региональной безопасности при Касеме Сулеймани.

Во-вторых, эти закономерности были аналитически организованы в три основных направления — архитектура сетевой власти, проектирование дискурса идентичности и управление операционными рисками, каждое из которых было рассмотрено как аналитическая переменная с наблюдаемыми качественными показателями.

В-третьих, полученная структура была помещена в определенный контекст посред-

[7] См.: Bahman S. Kar-e bozorg-e Haj Qasem, tabdil-e tahdid be forsat bud [Главное достижение Хаджа Касема заключалось в превращении угроз в возможности] // Khamenei.ir. January 2, 2021. (На фарси). URL: https://farsi.khamenei.ir/others-dialog?id=46987 (accessed: 05.10.2025); Samavati S. Qasem Soleymani va omq-e estratezhik-e Iran dar mantagheh [Касем Сулеймани и стратегическая глубина Ирана в регионе] // Etemad Newspaper. 2022 (January 3). No. 17. (На фарси). URL: https://www.etemadonline.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A7%D8%AC%D8%AA%D9%85%D8%A7%D8%B9%DB%8C-23/530306-%D9%82%D8%A7%D8%B3%D9%85-%D8%B3%D9%84%DB%8C%D9%85%D8%A7%D9%86%DB%8C-%D8%B9%D9%85%D9%82-%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%B1%D8%A7%D8%AA%DA%98%DB%8C%DA%A9-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%AF%D8%B1-%D9%85%D9%86%D8%B7%D9%82%D9%87 (accessed: 05.10.2025).

ством аналитического сравнения с доминирующими государственно-центричными парадигмами безопасности на Ближнем Востоке, чтобы подчеркнуть ее уникальную организационную логику, а не утверждать об эмпирической эффективности.

В исследовании используются рецензируемые научные публикации, отчеты учреждений и органов власти, а также документальные материалы из открытых источников. Публичные заявления политических и военных деятелей привлекались исключительно в качестве данных для дискурсивного анализа и сопоставляются с независимыми академическими и институциональными источниками в соответствии с подходами критических исследований безопасности (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998; Balzacq, 2005).

Цель статьи состоит не в том, чтобы делать причинно-следственные обобщения или предлагать конкретные политические решения, а в том, чтобы сформулировать аналитически целостную концепцию для понимания конкретной модели управления безопасностью в определенном региональном контексте.

Теоретическая рамка исследования

Анализ «доктрины Сулеймани» через призму традиционных теорий международных отношений, в частности структурного реализма, может пролить свет на некоторые аспекты геополитического соперничества, но он не позволяет адекватно объяснить основные источники влияния этой доктрины, а именно негосударственных акторов, дискурсивную сплоченность и гибридные операции. По этой причине в данном исследовании используется комплексная концептуальная модель, рассматривающая «доктрину Сулеймани» как сложную систему, структура которой основана на сети, источник сплоченности определяется дискурсом и идентичностью, а операционная логика носит гибридный характер.

а) Сетевая власть

Концепция сетевой власти, разработанная такими учеными, как М. Кастельс (Castells, 2009a; 2009b) и А.-М. Слотер (Slaughter, 2009), представляет собой фундаментальный сдвиг в понимании природы и механизмов власти в современной международной системе. Эта парадигма демонстрирует, что в эпоху глобализации и информационной революции власть вышла за рамки иерархических структур и прямого государственного контроля над территориальными владениями, образовав горизонтальные, сетевые формы.

В рамках этой системы власть осуществляется посредством стратегического контроля над ключевыми узлами и управления жизненно важными потоками в сложных, многоуровневых социальных, политических, экономических сетях и сетях безопасности (Networked Politics…, 2009, pp. 15–23; Nye, 2011, pp. 113–139). Подобные сети охватывают широкий круг разнородных участников: от центральных правительств и наднациональных институтов до неправительственных организаций (НПО), местных групп, политической элиты и даже социальных сетей, взаимосвязанных посредством сложных потоков информации, финансов, логистики, идеологии и операций (Keck & Sikkink, 1998, pp. 8–25). Таким образом, сетевая власть относится к способности стратегического субъекта проектировать архитектуру этих сетей, формировать их структуру, управлять их динамикой и контролировать их потоки, что позволяет ему оказывать влияние далеко за пределами своих материальных или традиционных ресурсов и преследовать стратегические цели на местном, региональном и транснациональном уровнях (Ronfeldt & Arquilla, 2001).

б) Критические исследования безопасности

Критические исследования безопасности (КИБ), возникшие в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в рамках Копенгагенской школы на основе основополагающих работ Б. Бузана, О. Уэйвера и Я. де Вильде, предлагают трансформационный подход к пониманию природы безопасности. В отличие от традиционных теорий, которые рассматривают безопасность как объективное, материальное условие, в рамках

КИБ безопасность переосмысливается как социальное, дискурсивное и исторически сконструированное явление, создаваемое посредством лингвистических и идеологических процессов (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998).

Вместо того чтобы сосредоточиваться исключительно на традиционных военных угрозах, в КИБ акцент делается на сложном процессе секьюритизации как на центральной аналитической линзе. Секьюритизация — это дискурсивный акт, в ходе которого субъект посредством языка и «речевых актов» представляет проблему или явление как воспринимаемую экзистенциальную угрозу для объекта. После принятия аудиторией такие заявления легитимизируют чрезвычайные, нестандартные меры по противодействию этой угрозе (Balzacq, 2005).

В КИБ также подчеркивается ключевая роль идентичности и ее конструирования в формировании представлений о безопасности, определении границ между собой и другими, а также в складывании альянсов или соперничества (Campbell, 1998, pp. 8–35). Более того, эта школа расширяет сферу применения понятия безопасности, охватывая политические, экономические, социальные и экологические аспекты, перенося анализ с индивидуального уровня на системный (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998, pp. 7–21).

С точки зрения критических исследований безопасности можно лучше понять, как общие дискурсы о безопасности, конвергентные идентичности и нарративы об угрозах могут обеспечивать сплоченность, легитимность и устойчивость сложной структуры безопасности — даже без единого центрального правительства или формального иерархического командования. Это делает КИБ особенно эффективным подходом для анализа неформальных сетей безопасности и транснациональных коалиций.

в) Гибридная война

Концепция гибридной войны, введенная в начале XXI в. такими учеными, как Ф. Хоффман (Hoffman, 2007), относится к систематическому сочетанию традиционных и нетрадиционных инструментов в сложных конфликтных условиях. Этот подход возник в ответ на трансформации в сфере безопасности после окончания холодной войны и растущую значимость нетрадиционных угроз.

Гибридная война охватывает широкий спектр тактики и инструментов: от традиционных военных операций и партизанской/нерегулярной тактики до сложных кибератак, информационной и когнитивной войны, полномасштабных психологических операций, стратегического использования экономических инструментов и дипломатического давления и даже интеграции прокси-сил и негосударственных субъектов. Это многогранное сочетание позволяет проводить одновременные операции на различных уровнях конфликта и систематически использовать уязвимости противника в различных областях.

Основная цель гибридной войны — создание преднамеренной двусмысленности на поле боя, запутывая противника в определении характера угрозы и выборе соответствующего ответа, что одновременно позволяет достичь долгосрочных стратегических целей со значительно меньшими затратами, чем при традиционной войне, и с меньшим риском прямой эскалации (Hybrid Warfare…, 2012). Эта стратегия также делает особый акцент на контроле над нарративом и борьбе за восприятие.

По своей сути гибридная война смещает стратегический анализ от прямых, обычных сражений в «серые зоны» или «промежуточные пространства», где намеренно размываются различия между войной и миром, конкуренцией и сотрудничеством, а также между государственными и негосударственными субъектами[8]. Стратегическая неопределенность в этих зонах позволяет участникам действовать, сохраняя при этом возможность правдоподобного отрицания и избегая полной ответственности.

В совокупности эти три аналитических инструмента позволяют нам рассматривать «доктрину Сулеймани» как интегрированную систему, в которой аппаратная часть (сетевая

[8] Schadlow N. The Problem with Hybrid Warfare // War on the Rocks. April 2, 2015. URL: https://warontherocks.com/2015/04/the-problem-with-hybrid-warfare/ (accessed: 05.10.2025).

архитектура), программное обеспечение (дискурсивная сплоченность) и операционная система (гибридная война) взаимодействуют синергетически. Эта концепция не только углубляет наше понимание доктрины в контексте Ближнего Востока, но и усиливает потенциал для незападных теоретических исследований в области глобальной безопасности.

Анализ «доктрины Сулеймани»

«Доктрина Сулеймани» как сложная стратегия противодействия многоуровневым вызовам региона опирается на три взаимосвязанных столпа, концептуальная основа которых была изложена в предыдущем разделе. На практике эти столпы создали локализованную, но инновационную модель безопасности. В следующих подразделах каждый столп рассматривается отдельно, освещаются его механизмы и функции в создании динамичной и устойчивой формы стратегической глубины.

Архитектура сетевой власти: проектирование экосистемы сопротивления

Введя сетевую архитектуру власти, «доктрина Сулеймани» бросила вызов традиционным парадигмам безопасности, основанным на государственно-центричных альянсах и территориальном контроле, предложив вместо этого гибкую, динамичную и органичную модель управления кризисами на Ближнем Востоке. Вместо создания иерархических армий или формальных коалиций Сулеймани разработал живую, органичную экосистему сопротивления, которая охватывала широкий круг местных и региональных участников — от Сил народной мобилизации (СНМ) и других групп сопротивления, действующих на равнинах и в городах Ирака, до «Хизбаллы» в горах Ливана, от ХАМАС и палестинского «Исламского джихада» в центре сопротивления в Газе до «Ансар Аллах» на стратегически важных побережьях Йемена и от транснациональных подразделений, таких как бригады «Фатемиюн», «Зайнабиюн» и «Хайдариюн», до Национальных сил обороны по всей Сирии (рис. 1).

Кульминацией этой архитектуры стала интеграция местной системы сопротивления с глобальной державой после начала операции Военно-космических сил РФ в Сирии, что создало стратегическую синергию между российской авиацией и наземными силами сопротивления[9]. В основе этого инженерного достижения лежали три ключевых принципа: децентрализация оперативной деятельности при сохранении стратегической координации, локализация очагов сопротивления и формирование устойчивых экономических сетей.

1. Оперативная децентрализация со стратегической координацией. В отличие от традиционных моделей командования, основанных на жесткой иерархии и нисходящих приказах, сетевая архитектура «доктрины Сулеймани» включала двойную логику — стратегическую и оперативную, что наделило систему исключительной гибкостью и устойчивостью. В стратегическом плане силы «Кудс» Корпуса стражей исламской революции (КСИР) под командованием К. Сулеймани функционировали как стратегический центр — центральный координатор и интеллектуальное ядро сети.

Вместо того чтобы просто издавать военные директивы, этот центр сосредоточился на трех ключевых функциях, представляя собой классический пример сетевого управления, в котором центральный узел регулирует, расширяет возможности и координирует работу автономных узлов.

1. *Разветвленная стратегическая архитектура и формирование стратегического видения*. Центральная роль КСИР заключалась в формулировании всеобъемлющих стратегических целей: обеспечении территориальной целостности союзных государств (Ирака и Сирии), сдерживании влияния соперников (США и Израиля) и создании прочной архитектуры сдерживания в регионе. Устанавливая стратегические горизонты, расставляя приоритеты в отношении угроз и определяя «красные линии», центр предотвращал фрагментацию

[9] Soufan A. Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy // CTC Sentinel. November 2018. Vol. 11. Iss. 10. URL: https://ctc.westpoint.edu/qassem-soleimani-irans-unique-regional-strategy/ (accessed: 05.10.2025).

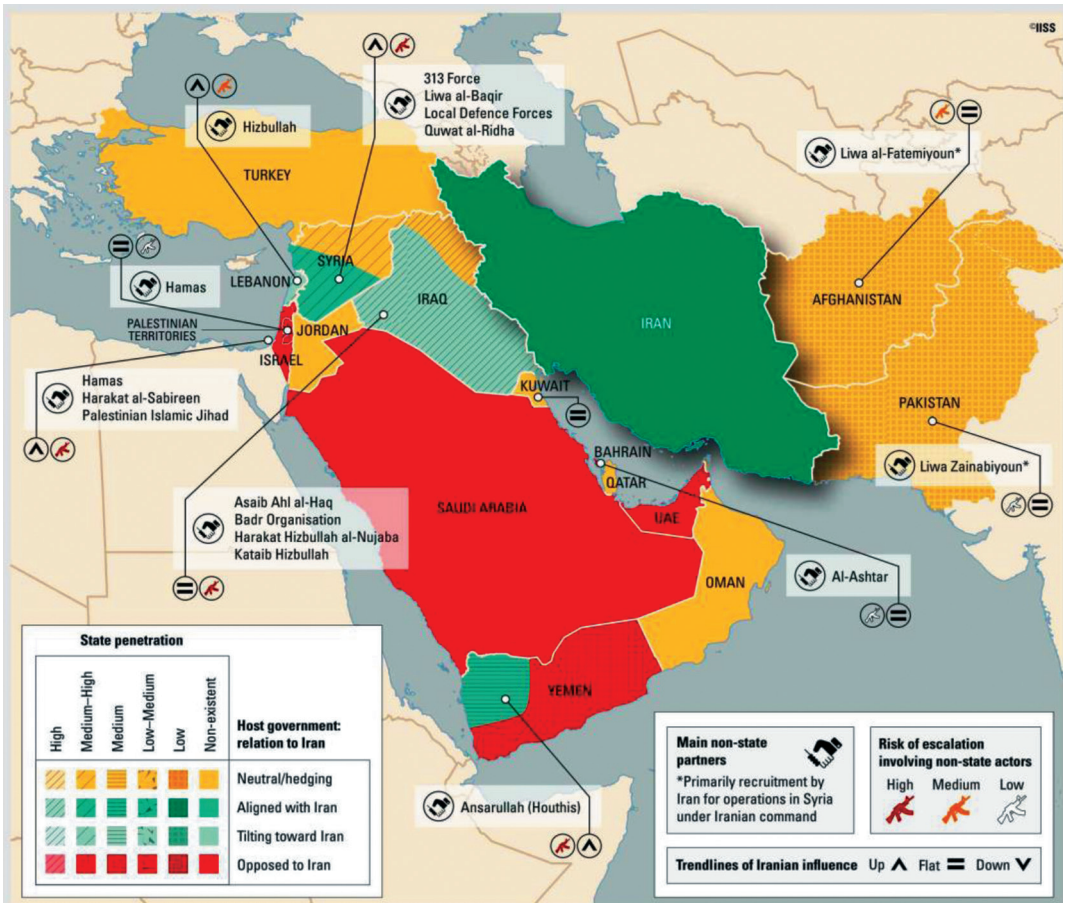

Рис. 1. Карта влияния Ирана на Ближнем Востоке через прокси-группы и связи на государственном уровне

Источник: Iran's Networks of Influence in the Middle East // International Institute for Strategic Studies. November 2019. P. 13. URL: https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/publications---free-files/strategic-dossier/iran-dossier/irans-networks-of-influence-in-the-middle-east.pdf (accessed: 05.10.2025).

и растрату ресурсов[10]. Такая стратегическая ориентация привела к ощутимым успехам на поле боя.

Способность К. Сулеймани к разработке и проведению сложных операций проявилась на еще более высоком уровне во время его миссии в Москву, где он представил президенту РФ В.В. Путину подробный анализ ситуации на местах, предупреждая о неизбежном крахе сирийского государства и серьезных последствиях этого краха для региональной и глобальной безопасности, а также для положения России как великой державы по отношению к Соединенным Штатам. Его брифинг убедил российское руководство принять военное участие в сирийском конфликте — акт в «Большой игре», который решительно изменил баланс сил в сирийской войне в пользу сети, связанной с Ираном[11].

2. *Управление жизненно важными потоками*. Стратегический центр курировал управление и распределение жизненно важных потоков сети: идеологии (нарратив сопротивления), оружия и технической экспертизы, финансовых ресурсов и разведданных. Главная цель заключалась в том, чтобы «наделить» местные узлы возможностью действовать независимо, но в соответствии с более широкими целями сети (Dehghan, 2019; Erfanifar, 2020).

[10] Iran's Networks of Influence in the Middle East // International Institute for Strategic Studies. November 2019. URL: https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/publications---free-files/strategic-dossier/iran-dossier/irans-networks-of-influence-in-the-middle-east.pdf (accessed: 05.10.2025).

[11] Nasrallah: 'It Was Iran's Soleimani Who Convinced Putin to Enter Syria War' // Defend Democracy Press. January 25, 2021. URL: https://www.defenddemocracy.press/nasrallah-it-was-irans-soleimani-who-convinced-putin-to-enter-syria-war/ (accessed: 05.10.2025).

3. *Сплочение участников и разрешение конфликтов*. Возможно, наиболее сложной задачей было объединение множества различных участников, включая суверенные государства, регулярные армии (Ирак и Сирия), группы сопротивления, формирующиеся народные силы (СНМ, Национальные силы обороны), местные племена и кланы, а также многонациональные бригады («Фатемиюн», «Зайнабиюн», «Хайдариюн»). Каждый из них обладал своей собственной организационной культурой, языком, локальными интересами, между некоторыми вовлеченными сторонами также наблюдалось политическое соперничество. В такой среде одной лишь власти командования и контроля было недостаточно; легитимность, харизма и личное влияние стали крайне важны.

Именно здесь уникальная роль К. Сулеймани как социально-военного архитектора оказалась решающей. Опираясь на свой военный опыт мобилизации народных сил во время восьмилетней ирано-иракской войны, он внедрил модель преодоления разрыва между государством и обществом во время кризисов. Например, во время вторжения ИГИЛ (запрещено в РФ) в Ирак в 2014 г. фракции сопротивления, ранее отказывавшиеся сотрудничать по политическим причинам, объединились под единым командованием для решающей операции по освобождению Амерли — не по приказу, а благодаря посредничеству генерал-лейтенанта Сулеймани и его личному авторитету как «влиятельного посредника»[12].

Эта роль выходила за рамки обязанностей полевого командира, являясь примером управления, основанного на доверии. В Сирии задача была еще более сложной: К. Сулеймани координировал действия ослабленной сирийской армии, Национальных сил обороны, созданных по образцу иранского «Басидж», «Хизбаллы» как элитного постоянного формирования и добровольческих контингентов из Афганистана («Фатемиюн»), Пакистана («Зайнабиюн») и Ирака («Хайдариюн»). Присутствуя на совещаниях совместного командования и выступая посредником в полевых спорах, он обеспечивал синергию этих многонациональных сил для достижения общих целей, а не тратил их энергию на контрпродуктивное соперничество[13] (рис. 2).

---

[12] См.: Faraji M. Revayat-e kar-e namomkeni ke Sardar-e delha dar Aragh momken kard be zaban-e hamrazmash [Рассказ соратника о том, как «полководец сердец» сделал невозможное возможным в Ираке] // Islamic Republic News Agency (IRNA). January 3, 2024. (На фарси). URL: https://www.irna.ir/news/85341874/%D8%B1%D9%88%D8%A7%DB%8C%D8%AA-%DA%A9%D8%A7%D8%B1-%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%85%DA%A9%D9%86%DB%8C-%DA%A9%D9%87-%D8%B3%D8%B1%D8%AF%D8%A7%-D8%B1-%D8%AF%D9%84-%D9%87%D8%A7-%D8%AF%D8%B1-%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D9%85%D9%85%DA%A9%D9%86-%DA%A9%D8%B1%D8%AF-%D8%A8%D9%87-%D8%B2%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D9%87%D9%85%D8%B1%D8%B2%D9%85%D8%B4-%D9%81%DB%8C%D9%84%D9%85 (accessed: 05.10.2025); Al-Basiri A. A. Majeray-e por-eltehab-e nabard ba entehari-haye Daesh dar Beyji va piruzi ba tarh-e Haj Qasem: gofteguy-e ekhtesasi ba moaven-e amaliyat-e Hashd al-Shaabi [Драматичная история боя с террористами-смертниками ИГИЛ в Бейджи и победы по плану Хадж Касема: эксклюзивное интервью с заместителем начальника оперативного управления «Хашд аш-Шааби»] // Tasnim News Agency. January 2, 2022. (На фарси). URL: https://www.tasnimnews.ir/fa/news/1400/10/12/2636307/%D9%85%D8%A7%D8%AC%D8%B1%D8%A7%DB%8C-%D9%BE%D8%B1%D8%A7%D9%84%D8%AA%D9%87%D8%A7%D8%A8-%D9%86%D8%A8%D8%B1%D8%AF-%D8%A8%D8%A7-%D8%A7%D9%86%D8%AA%D8%AD%D8%A7%D8%B1%DB%8C-%D9%87%D8%A7%DB%8C-%D8%AF%D8%A7%D8%B9%D8%B4-%D8%AF%D8%B1-%D8%A8%DB%8C%D8%AC%DB%8C-%D9%88-%D9%BE%DB%8C%D8%B1%D9%88%D8%B2%DB%8C-%D8%A8%D8%A7-%D8%B7%D8%B1%D8%AD-%D8%AD%D8%A7%D8%AC-%D9%82%D8%A7%D8%B3%D9%85-%DA%AF%D9%81%D8%AA%DA%AF%D9%88%DB%8C-%D8%A7%D8%AE%D8%AA%D8%B5%D8%A7%D8%B5%DB%8C-%D8%A8%D8%A7-%D9%85%D8%B9%D8%A7%D9%88%D9%86-%D8%B9%D9%85%D9%84%DB%8C%D8%A7%D8%AA-%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%B4%D8%B9%D8%A8%DB%8C (accessed: 05.10.2025); Nagofteh-haei darboreh-ye shekast-e mohasereh-ye Amerli [Неизвестные подробности прорыва осады Амерли] // Iranian Students News Agency (ISNA). December 21, 2021. (На фарси). URL: https://www.isna.ir/news/1400093023859/%D9%86%D8%A7%DA%AF%D9%81%D8%AA%D9%87-%D9%87%D8%A7%DB%8C%DB%8C-%D8%AF%D8%B1%D8%A8%D8%A7%D8%B1%D9%87-%D8%B4%DA%A9%D8%B3%D8%AA-%D9%85%D8%AD%D8%A7%D8%B5%D8%B1%D9%87-%D8%A2%D9%85%D8%B1%D9%84%DB%8C (accessed: 05.10.2025).

[13] Revayat-e dast-e avval-e yek farmandeh-ye ettelaati az 11 sal hamrahi ba Haj Qasem [Рассказ из первых уст разведывательного командира об 11 годах службы вместе с Хадж Касемом] // Khabar Online. January 25,

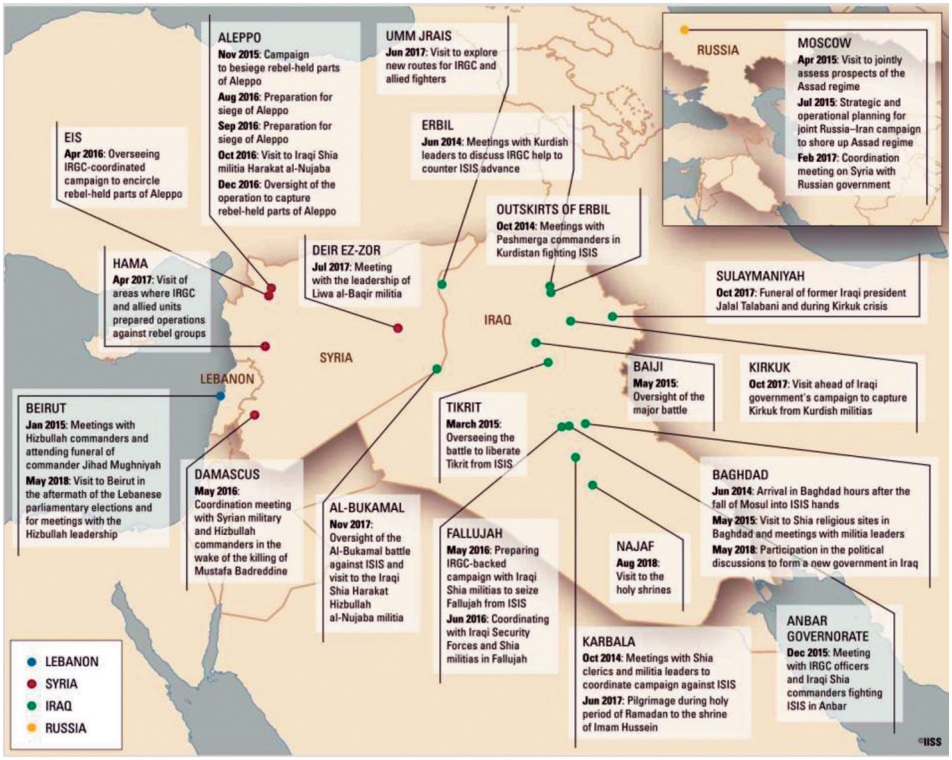

Рис. 2. Карта предполагаемого присутствия К. Сулеймани в Ираке, Ливане, Сирии и России (2012–2018 гг.) для координации сети, связанной с Ираном

Источник: Iran's Networks of Influence in the Middle East // International Institute for Strategic Studies. November 2019. P. 20. URL: https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/publications---free-files/strategic-dossier/iran-dossier/irans-networks-of-influence-in-the-middle-east.pdf (accessed: 05.10.2025).

Даже израильская разведка и аналитики отмечали эту роль. Например, в репортаже *The Times of Israel* признавалось успешное создание и развертывание Ираном сил в Сирии и прямо упоминалась эта разнородная сеть. В нем такие группы, как «Харакат аль-Нуджаба», «Катаиб Сайид аш-Шухада», «Лива Абу аль-Фадль аль-Аббас» и «Организация Бадр», были перечислены как часть «международной бригады» под командованием КСИР, а К. Сулеймани был назван ее главным архитектором[14]. Хотя это было представлено как указание на угрозу, репортаж непреднамеренно подтвердил, хотя и с другой точки зрения, что это именно тот потенциал по обеспечению сплоченности, который так высоко оценивается в иранских документах.

Таким образом, эта стратегическая центральность, воплощенная в харизматичной личности, сформировала основу, которая объединила оперативные и политические сложности поля боя в рамках целостной общей стратегии.

Однако на оперативном и тактическом уровнях картина была совершенно иной: сеть функционировала децентрализованно. Эта модель, известная в современной военной литературе как «управление миссией», наделяла различные узлы сети полномочиями принимать быстрые решения и действовать на основе их глубокого знания местных условий,

2024. (На фарси). URL: https://www.khabaronline.ir/photo/1860991/%D8%B1%D9%88%D8%A7%DB%8C%D8%AA-%D8%AF%D8%B3%D8%AA-%D8%A7%D9%88%D9%84-%DB%8C%DA%A9-%D9%81%D8%B1%D9%85%D8%A7%D9%86%D8%AF%D9%87-%D8%A7%D8%B7%D9%84%D8%A7%D8%B9%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D8%B2-%DB%B1%DB%B1-%D8%B3%D8%A7%D9%84-%D9%87%D9%85%D8%B1%D8%A7%D9%87%DB%8C-%D8%A8%D8%A7-%D8%AD%D8%A7%D8%AC--%D9%82%D8%A7%D8%B3%D9%85 (accessed: 05.10.2025).

[14] Gozareseh-ye Times-e Esraeil: tahqiqi jameh piramun-e ezam va hozur-e niruhaye zir-e amr-e hokumat-e Iran dar Surieh [Доклад Times of Israel: комплексное исследование направления и присутствия сил, находящихся под командованием иранского правительства, в Сирии] // Times of Israel. August 9, 2017. (На фарси). URL: https://fa.timesofisrael.com/syriairan122/ (accessed: 05.10.2025).

точного понимания местности и способности использовать мимолетные тактические возможности. Такой подход дал три решающих стратегических преимущества.

Во-первых, гибкость и скорость принятия решений: местные ячейки и узлы могли незамедлительно реагировать на возникающие угрозы или возможности, не сталкиваясь с бюрократией и не ожидая длительного централизованного разрешения. Такая тактическая гибкость оказалась особенно важной во время кризисов, таких как внезапное вторжение ИГИЛ (запрещено в РФ) в Ирак в 2014 г. В тот момент после религиозного указа (фетвы) шиитского марджи и на фоне значительного нарушения формальных государственных структур Ирака народные сети и силы сопротивления под непосредственным руководством К. Сулеймани организовали оборонительные линии вокруг Багдада и священных городов еще до мобилизации иракской армии.

Постоянное присутствие генерал-лейтенанта Сулеймани на передовой и его прямое взаимодействие с местными командирами — не просто посредством отдачи приказов, но и путем диалога, убеждения и укрепления доверия — сыграли решающую роль в мотивации сил к сопротивлению и возвращению территорий. Этот основанный на участии полевой стиль командования способствовал быстрому и эффективному формированию операций по освобождению в таких районах, как Джурф-эль-Сахар и Тикрит, — операций, которые во многих случаях начинались до получения официального одобрения из Багдада, тем самым меняя ход боевых действий.

Другой пример — битва за Аль-Букамаль: тактическая изобретательность К. Сулеймани здесь является ярким образцом адаптивности. Неожиданным шагом, не уведомив нижестоящих командиров, он отвел силы с предсказуемого фронта и через сирийскую пустыню (Бадият-эль-Шам) начал внезапное нападение на ИГИЛ (запрещено в РФ) с тыла. Это рискованное решение, которое прорвало опорный пункт группировки, стало возможным только в условиях гибкой командной структуры, которая обеспечивала полную уверенность полевым командирам[15].

Во-вторых, структурная устойчивость к многосторонним атакам: к ним относятся преследования руководства, санкции, экономическое давление, психологическая война и прямые военные операции. В отличие от обычных армий, где потеря ключевого командира может парализовать цепочку командования и вызвать системный коллапс, иранская сеть, действующая через сетевую структуру и распределяющая власть между полуавтономными узлами (такими как иракские фракции сопротивления, «Хизбалла» в Ливане, ХАМАС в Газе и «Ансар Аллах» в Йемене), продолжала функционировать — и даже укрепляться — после потери высокопоставленных командиров и видных деятелей. Эта устойчивость обусловлена взаимным доверием, формированием кадров для преемственности и децентрализованным принятием решений, что позволяет сети адаптироваться без зависимости от единого центрального узла.

Примечательным случаем стали убийства генерал-лейтенанта Касема Сулеймани и Абу Махди аль-Мухандиса в январе 2020 г. — удар, который мог бы разрушить стратегическое командование проиранских сетей. Однако сеть быстро подготовила замену в лице Эсмаила Каани и сохранила оперативную преемственность. Фактически в последующие годы «ось сопротивления» активизировала свои действия против интересов США и Израиля[16].

---

[15] См.: Shaeri R. Revayat-e dast-e avval az azadsazi-ye Bukamal / Taktik-ha-yi ke kamar-e Daesh ra shekast [Рассказ из первых уст об освобождении Букамаля: тактики, сломившие хребет ИГИЛ] // Mehr News Agency. January 2, 2021. (На фарси). URL: https://mehrnews.com/xTswN (accessed: 05.10.2025); Iran's Networks of Influence in the Middle East // International Institute for Strategic Studies. November 2019. P. 121–157. URL: https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/publications---free-files/strategic-dossier/iran-dossier/irans-networks-of-influence-in-the-middle-east.pdf (accessed: 05.10.2025).

[16] См.: Ezzeddine N., Azizi H. Iran's Increasingly Decentralized Axis of Resistance // War on the Rocks. July 14, 2022. URL: https://warontherocks.com/2022/07/irans-increasingly-decentralized-axis-of-resistance/ (accessed: 05.10.2025); The Soleimani Killing's Regional Implications // International Institute for Strategic Studies. March 2020.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в ливанской «Хизбалле». В 2024 г. несколько высокопоставленных лидеров и значительная часть ее высшего командного состава, включая генерального секретаря Сайида Хасана Насраллу и Хашема Сафиеддина, были убиты в результате израильских ударов. Несмотря на эти серьезные потери, многоуровневая командная структура «Хизбаллы» и внутренняя способность к замене кадров обеспечили сохранение организации. Ракетные операции против Израиля продолжались, а быстрое назначение преемников сохранило стратегическую сплоченность, хотя и не без временных трудностей[17].

В Газе после убийств высших политических и военных лидеров ХАМАС во время войны 2023–2024 гг., включая Исмаила Ханию в Тегеране и Яхью Синвара в Газе, командно-оперативная сеть движения оставалась активной и даже креативной. Не наблюдалось никаких сбоев в организации боевых действий, ракетных обстрелов или переговорных усилиях. Разделяя обязанности между различными подразделениями и сохраняя децентрализованную структуру, ХАМАС поддерживало и продолжало сопротивление Израилю[18].

Случай Йемена представляет собой иную, но дополняющую ситуацию: «Ансар Аллах» (хуситы) выдержала не только сценарии нападения на руководство, но и более широкое давление, такое как продолжительные удары коалиции под руководством Саудовской Аравии, жесткие экономические блокады и прямые воздушные атаки союзников США в 2023–2025 гг. в ответ на операции в Красном море. Хуситы расширили свои ракетные и военно-морские возможности, распределили власть среди местных командиров и не только выжили, но и усилили свое региональное влияние, подтверждая эффективность сетевой модели[19].

Все эти примеры иллюстрируют истинное значение сетевой устойчивости: способность выживать, адаптироваться и восстанавливать силы даже после самых сильных ударов. В отличие от обычных армий эта модель не имеет единой точки отказа, что сделало ее устойчивой к израильской стратегии «кампании между войнами», которая фокусируется на целенаправленных убийствах и истощении потенциала противника. Отсутствие хрупкого центра является ключевой причиной неоднократных неудач стратегий по устранению или разрушению структуры сети, связанной с Ираном. По сути, эта модель позволяет «оси» функционировать как изменчивая сеть, устойчивая к внешним потрясениям[20].

В-третьих, снижение затрат и рисков: архитектура послужила продуманной моделью управления ресурсами. Большинство операций проводилось местными силами, которые были более мотивированы защищать свои территории, что минимизировало политические, экономические и человеческие издержки прямого развертывания иранского персонала. Вместо того чтобы в значительной степени полагаться на свои внутренние ресурсы, Иран проводил стратегию «расширения возможностей», которая стала решающим преимуществом в конкуренции с мировыми державами. Центральная

URL: https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2020/the-soleimani-killings-regional-implications/ (accessed: 05.10.2025).

[17] См.: Ali-Khan V., Cambanis T. Down but Not Out: Reassessing the Axis of Resistance // The Century Foundation. March 19, 2025. URL: https://tcf.org/content/report/down-but-not-out-reassessing-the-axis-of-resistance/ (accessed: 05.10.2025); Sadeghi M. R. Ayandeh-ye Hezbollah pas az Nasrallah; goruh-e siyasi-ye dakhli ya jihadi-ye manteqei? [Будущее «Хезболлы» после Насраллы: внутренняя политическая или региональная джихадистская группа?] // Markaz-e Pazhuheshha-ye Elmi va Motaleat-e Rahbordi-ye Khavar-e Miane [Центр научных и стратегических исследований Ближнего Востока]. February 3, 2025. (На фарси). URL: https://www.cmess.ir/Page/View/2025-02-03/11462 (accessed: 05.10.2025).

[18] Mansour R. The Axis of Resilience: Israel Is Underestimating Iran and Its Allies // Foreign Affairs. November 13, 2024. URL: https://www.foreignaffairs.com/middle-east/axis-resilience (accessed: 05.10.2025).

[19] См.: Blanchard C. M. Yemen: Conflict, Red Sea Attacks, and U.S. Policy // Congressional Research Service. CRS In Focus. No. IF12581. July 22, 2025. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12581 (accessed: 05.10.2025); Khoury N. A. Yemen's Houthi Movement Reconsidered // Arab Center Washington DC. June 12, 2025. URL: https://arabcenterdc.org/resource/yemens-houthi-movement-reconsidered/ (accessed: 05.10.2025).

[20] Mansour R. The Axis of Resilience: Israel Is Underestimating Iran and Its Allies // Foreign Affairs. November 13, 2024. URL: https://www.foreignaffairs.com/middle-east/axis-resilience (accessed: 05.10.2025).

роль К. Сулеймани как «координационного центра» — присутствие на местах, ведение переговоров и укрепление доверия между местными командирами от Ирака до Ливана и Йемена — обеспечивала стратегическую сплоченность, не ограничивая тактическую автономию отдельных узлов. Эта особенность превратила сеть в «единый фронт», который, несмотря на разнообразие участников, преследовал общую стратегическую цель[21].

2. Локализация сопротивления: интеграция в местные сообщества. Второй принцип этой архитектуры, выходящий за рамки простой локализации, представлял собой долгосрочную стратегию самообеспечения и независимости узлов сопротивления. В отличие от распространенного на Западе восприятия групп сопротивления как простых «марионеток» Ирана, этот подход подчеркивал расширение прав и возможностей местных участников, обладающих глубокими социальными корнями и внутренней мотивацией.

Этот принцип наиболее ярко проявился в палестинском случае. Стратегия К. Сулеймани трансформировала сопротивление из эпохи «интифады камней» в эпоху ракетного сдерживания. Вместо того чтобы способствовать полной зависимости палестинских группировок от Ирана, стратегия основывалась на двух оперативных направлениях: (1) создании тайных сетей для передачи ключевых компонентов и (2) передаче технических знаний палестинским инженерам для создания оружия собственного производства с использованием простых сырьевых материалов, таких как стальные трубы и сахар.

Результатом стал собственный ракетный арсенал Газы («Аль-Кассам», «Фаджр», «Бадр», «Касем»), что позволило бросить вызов военной машине Израиля и создать самоподдерживающуюся экосистему[22]. Как заявил аятолла Хаменеи, Верховный руководитель Исламской Республики: «Этот человек оказал всестороннюю поддержку палестинцам; он сделал так, что очень небольшая территория — такой узкий участок, как Сектор Газа — смогла противостоять сионистскому режиму, действующему во всем своем высокомерии, нанеся ему такие потери, что уже через сорок восемь часов они сами говорят: „Давайте заключим перемирие“. Это было делом Хаджа Касема Сулеймани»[23].

Что касается укоренения в социальной структуре, то «доктрина Сулеймани» укрепила такие группы, как Силы народной мобилизации (СНМ) Ирака, Национальные силы обороны Сирии и йеменская «Ансар Аллах», которые органично возникли из своих местных общин. Например, СНМ были сформированы в Ираке после шиитского религиозного указа (фетвы) аятоллы Систани при широком участии иракских племен и молодежи. Такая укорененность повысила социальную легитимность и нейтрализовала враждебную пропаганду. «Хизбалла» в Ливане является наиболее ярким примером такой устойчивости, сочетая военные возможности с обширной сетью школ, больниц и учреждений сферы услуг, глубоко интегрированных в общество. «Ансар Аллах» в Йемене аналогично эволюционировала из локального движения в региональную силу, способную — благодаря переданному техническому опыту и полностью местной ра-

[21] См.: Asadollahi M. Estratezhik fekr mikard, taktiki amal mikard [Он мыслил стратегически, действовал тактически] // Khamenei.ir. January 9, 2021. (На фарси). URL: https://farsi.khamenei.ir/others-dialog?id=47304 (accessed: 05.10.2025); Soufan A. Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy // CTC Sentinel. November 2018. Vol. 11. Iss. 10. URL: https://ctc.westpoint.edu/qassem-soleimani-irans-unique-regional-strategy/ (accessed: 05.10.2025).

[22] Naqsh-e Shahid Soleimani dar erteqa-ye qodrat-e moqavemat-e Felestin [Роль мученика Сулеймани в укреплении потенциала палестинского сопротивления] // Mehr News Agency. January 2, 2024. (На фарси). URL: https://www.mehrnews.com/news/5983009/%D9%86%D9%82%D8%B4-%D8%B4%D9%87%DB%8C%D8%AF-%D8%B3%D9%84%DB%8C%D9%85%D8%A7%D9%86%DB%8C-%D8%AF%D8%B1%D8%B1%D8%A7%D9%82%D8%A7%D8%B1%D8%AA%D9%82%D8%A7%D8%B%8C-%D9%82%D8%AF%D8%B1%D8%AA-%D9%85%D9%82%D8%A7%D9%88%D9%85%D8%AA-%D9%81%D9%84%D8%B3%D8%B7%DB%8C%D9%86 (accessed: 05.10.2025).

[23] Khamenei A. Bayanat dar didar-e mardom-e Qom [Выступление на встрече с жителями Кума] // Khamenei.ir. January 8, 2020. (На фарси). URL: https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=44628 (accessed: 05.10.2025).

бочей силе — вести длительную войну на истощение[24].

Эта локализация обеспечила три стратегические функции:

– повышение социальной легитимности. Местные силы воспринимались как «защитники земли», а не как «иностранные наемники», что подрывало враждебные нарративы, направленные на дискредитацию сети. Широкое участие иракцев в СНМ, например, ослабило стереотип об «иранском экспансионизме»;

– доступ к местным ресурсам. Местные группы обладали полевой разведкой, логистическими сетями и знанием культурной специфики региона — преимуществами, которые иностранные силы не могут воспроизвести. Использование «Ансар Аллах» географии Йемена во время операций в Красном море в 2024–2025 гг. является ключевым примером;

– долгосрочная устойчивость. После деэскалации острых кризисов местные вооруженные и политические группы часто сохраняли свои позиции в качестве политико-военных акторов в своих национальных контекстах, тем самым расширяя стратегическое влияние Ирана без необходимости постоянного прямого военного присутствия.

3. Устойчивые экономические сети: экономическая экосистема сопротивления. В экономической сфере сетевая архитектура, созданная К. Сулеймани, вышла далеко за рамки обеспечения безопасности, создав то, что можно назвать «экономической экосистемой сопротивления» с двумя основными стратегическими функциями: противодействие стратегии экономического истощения США и построение устойчивой сети внерегиональных экономических потоков. Эта сеть опиралась на общие идеологические течения — солидарность внутри «оси сопротивления», противодействие западной гегемонии и защита угнетенных, которые сформировали единую транснациональную идентичность среди различных участников.

В рамках конкуренции великих держав с Китаем США проводили целенаправленную политику деградации экономической инфраструктуры вдоль афгано-средиземноморского коридора: от демонтажа северной железной дороги Афганистана, которая блокировала доступ к коридору в Иран, до препятствования проектам развития электроэнергетики в Ираке и контроля над всеми валютными операциями в Ираке через контролируемое США ведомство[25]. «Доктрина Сулеймани», защищая национальный суверенитет и территориальную целостность как Ирака, так и Сирии, позволила нейтрализовать эти деструктивные меры и сохранить инфраструктуру безопасности и экономики этих государств.

В то же время подход К. Сулеймани создал сложную, децентрализованную экономическую сеть, которая опиралась не только на формальные каналы, но и на местные и народные ресурсы. Экспорт Ирана в Ирак вырос с менее чем 800 млн долл. США в середине 2000-х гг. до 9 млрд долл. США, что в четыре раза больше, чем совокупный экспорт Ирана в страны Европейского союза и США[26]. Расширение торговых связей было достигнуто за счет реализации трех основных механизмов:

1. Инновации в торговой инфраструктуре. На территории Ирана было создано 18 приграничных рынков, что позволило иракским торговцам работать без виз или разрешений, вы-

[24] The Soleimani Killing's Regional Implications // International Institute for Strategic Studies. March 2020. URL: https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2020/the-soleimani-killings-regional-implications/ (accessed: 05.10.2025).

[25] Shakeri M. Negahi be naqsh-e Shahid Soleymani dar towse'e-ye zirsakht-ha-ye eqtesadi-ye manteqe-ye Gharb-e Asia [Роль мученика Сулеймани в развитии экономической инфраструктуры региона Западной Азии] // Amrikashenasi [Американские исследования], 2022. No. 17. P. 107. (На фарси). URL: https://ascenter.ir/wp-content/uploads/2023/01/Binder23-1.pdf (accessed: 05.10.2025).

[26] Jozeyat-e saderat-e 9 milyard dolari-ye Iran be Aragh dar sal-e 1400 [Подробности экспорта Ирана в Ирак на сумму 9 млрд долларов в 1400 иранском году] // Iran Economist. April 17, 2022. (На фарси). URL: https://iraneconomist.com/fa/news/418453/%D8%AC%D8%B2%D8%A6%D-B%8C%D8%A7%D8%AA-%D8%B5%D8%A7%D8%AF%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%DB%B9-%D9%85%DB%8C%D9%84%DB%8C%D8%A7%D8%B1%D8%AF-%D8%AF%D9%84%D8%A7%D8%B1%D-B%8C-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%A8%D9%87-%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D8%AF%D8%B1-%D8%B3%D8%A7%D9%84-%D-B%B1%DB%B4%DB%B0%DB%B0 (accessed: 05.10.2025).

данных Багдадом. Это превратило Иран из географически ограниченного центра торговли в страну с обширной сетью трансграничных коридоров. В то время как Ирак полагался на один основной пункт пропуска с Турцией и лишь недавно вновь открыл свой пункт пропуска Арар с Саудовской Аравией, Иран поддерживал 10 действующих официальных пунктов пропуска наряду с 18 приграничными рынками, образуя уникально плотную торговую сеть.

2. Экономическая институционализация. Создание «Штаба развития ирано-иракских экономических отношений» вышло за рамки упрощения торговых процедур, устранив структурные препятствия и обеспечив долгосрочное планирование — воплощение того, что А.-М. Слотер называет «функциональными сетями управления».

3. Создание экономической стратегической глубины. Ирак служил не только экспортным направлением, но и воротами, позволяющими обходить санкции, и мостом к более широким региональным рынкам. Такая глубина охвата позволила Ирану принять участие в восстановлении Сирии и Ирака — рынков с рассчитанным на десятилетия потенциалом в сфере машиностроения, строительства и производства промышленных материалов[27].

Эта экономическая архитектура отражала логику оперативной децентрализации: местные узлы получали полномочия действовать быстро на основе детального знания рынка и временных возможностей, в то время как стратегическая координация поддерживалась через центральный штаб. Это снижало политические издержки прямого присутствия, одновременно генерируя устойчивые, защищенные от санкций потоки доходов.

Работая одновременно на трех уровнях — местном (защита экономических структур на уровне сообщества), региональном (влияние на баланс сил на Ближнем Востоке) и транснациональном (противостояние региональному порядку, возглавляемому Западом), эта модель трансформировалась в конкретный стратегический потенциал.

В целом архитектура сетевой власти как структурная основа «доктрины Сулеймани» интегрировала оперативную децентрализацию, локализацию вооруженной и политической деятельности и устойчивое экономическое сетевое взаимодействие в экосистему, которая была распределенной, но скоординированной, локально укорененной, но транснациональной по охвату и адаптируемой по функциям. Эта конфигурация тесно соответствует концепции Мануэля Кастельса (Castells, 2009a) «власть в пространстве потоков», определяемой как способность регулировать и управлять критически важными потоками, от которых зависят сетевые структуры. Помимо того, что эта архитектура позволила Ирану преследовать стратегические цели с относительно ограниченными материальными затратами, она способствовала созданию адаптивной стратегической глубины и устойчивости в ответ на многоуровневое давление — начиная от кинетических военных действий и заканчивая информационными операциями. Таким образом, она заложила структурные условия для последующих столпов инженерии дискурса идентичности и управления операционными рисками, рассмотренных в следующих разделах.

Инженерия дискурса идентичности: формирование коллективного представления о сопротивлении

Если архитектуру сетевой власти можно понимать как «аппаратную часть» «доктрины Сулеймани», то инженерия дискурса идентичности функционировала как ее дискурсивное «программное обеспечение», поднимая сеть из рыхлой военной коалиции на уровень сравнительно устойчивой и транснациональной моби-

[27] Dolarhayi ke ba tadbir-e Haj Qasem nasib-e Iran shod [Доллары, которые Иран получил благодаря дальновидности Хадж Касема] // Mashregh News. January 3, 2021. (На фарси). URL: https://www.mashreghnews.ir/news/1163189/%D8%AF%D9%84%D8%A7%D8%B1%D9%87%D8%A7%DB%8C%DB%8C-%DA%A9%D9%87-%D8%A8%D8%A7-%D8%AA%D8%AF%D8%A8%D-B%8C%D8%B1-%D8%AD%D8%A7%D8%AC-%D9%82%D8%A7%D8%B3%D9%85-%D9%86%D8%B5%DB%8C%D8%A8-%D8%A7%D-B%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%B4%D8%AF (accessed: 05.10.2025).

лизационной структуры. Этот столп опирается на конструктивистские подходы и критические исследования безопасности, в частности на теорию секьюритизации Копенгагенской школы (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998), и формирует мощную, общую идентичность, объединяя участников с различным культурным, религиозным и национальным происхождением — шиитов и суннитов, арабов и персов — вокруг объединяющего идеала «сопротивления».

Благодаря созданию коллективного представления о сопротивлении этот столп обеспечивал внутреннюю легитимность и генерировал устойчивый мотивационный потенциал для мобилизации добровольцев, одновременно функционируя как дискурсивный буфер против враждебных психологических операций и информационного давления. Этот многомерный процесс основывался на двух фундаментальных компонентах: дискурсивном конструировании угрожающего «Другого» и формировании религиозно окрашенного, транснационального «Я».

Конструирование образа угрожающего Другого

Для сплоченности и легитимности сети, связанной с Ираном, было крайне важно четкое определение противника — такое, которое могло бы сгладить внутренние трения между разнородными группами и направить их к общей цели. В рамках этой концепции «доктрина Сулеймани» дискурсивно конструировала двух различных, но взаимодополняющих «Других» и посредством секьюритизирующих речевых актов возвела их в статус воспринимаемых экзистенциальных угроз:

– внешние субъекты, представленные в дискурсе сопротивления как проявления «империализма», в частности США и Израиль;

– такфиристский терроризм, воплощением которого являются ИГИЛ (запрещено в РФ) и «Джабхат ан-нусра»[28].

Эта дискурсивная переформулировка подняла конфликт с уровня военной конфронтации до того, что было представлено как моральное, религиозное и цивилизационное обязательство[29].

С одной стороны, в официальном и мобилизационном дискурсе США и Израиль изображались как проявления «глобального господства» и «оккупации». В рамках этого нарративного контекста сопротивление представлялось не как агрессия, а — по определению его сторонников — как законная защита независимости, национального суверенитета и культурных и религиозных ценностей региона. В лозунгах «Дня аль-Кудс», выступлениях лидеров сопротивления и устойчивом медиадискурсе к Израилю применялись делегитимизирующие метафоры, такие как «раковая опухоль»; он изображался как экзистенциальная угроза для всей сети. В свою очередь США представлялись как «большой сатана», покровитель колониализма и терроризма. Такая дискурсивная структура служила для укрепления общего и неотложного чувства долга внутри сети, независимо от национальности[30].

[28] Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

[29] См.: Brodsky J.M., Mansharof Y. Soleimani Birthed Iran's Axis of Resistance, Ghaani Coordinated It // Middle East Institute. December 15, 2023. URL: https://www.mei.edu/publications/soleimani-birthed-irans-axis-resistance-ghaani-coordinated-it (accessed: 05.10.2025); Naqsh-e rahbordi-ye Shahid Sepahbod Haj Qasem Soleimani dar shekl-giri va taghviyat-e mehvar-e moqavemat [Стратегическая роль мученика генерал-лейтенанта Хадж Касема Сулеймани в формировании и укреплении оси сопротивления] // Defa Press. December 31, 2023. (На фарси). URL: https://defapress.ir/fa/news/641602/%D9%86%D9%82%D8%B4-%D8%B1%D8%A7%D9%87%D8%A8%D8%B1%D8%AF%DB%8C-%D8%B4%D9%87%DB%8C%D8%AF-%D8%B3%D9%BE%D9%87%D8%A8%D8%AF-%D8%AD%D8%A7%D8%AC-%D9%82%D8%A7%D8%B3%D9%85-%D8%B3%D9%84%DB%8C%D9%85%D8%A7%D9%86%DB%8C-%D8%AF%D8%B1-%D8%B4%DA%A9%D9%84%E2%80%8C%DA%AF%DB%8C%D8%B1%DB%8C-%D9%88-%D8%AA%D9%82%D9%88%DB%8C%D8%AA-%D9%85%D8%AD%D9%88%D8%B1-%D9%85%D9%82%D8%A7%D9%88%D9%85%D8%AA (accessed: 05.10.2025).

[30] См.: Mahamad A. Iran's Shadow Network: The Axis of Resistance Explained // IranWire. December 6, 2024. URL: https://iranwire.com/en/politics/136769-irans-shadow-network-the-axis-of-resistance-explained/ (accessed: 05.10.2025); Iran: U.S. and Israeli Threats & Options // The Iran Primer. United States Institute of Peace. January 26, 2023.

С другой стороны, ИГИЛ (запрещено в РФ) и «Джабхат ан-нусра» (запрещена в РФ) представлялись как внутренняя угроза социальной и цивилизационной структуре региона, как крайнее отклонение от нормы, направленное не только на физическую безопасность, но и на саму исламскую и человеческую идентичность соответствующих обществ. Подчеркивая защиту святынь «ахль аль-бейт» и исламских и христианских святынь, этот дискурс вышел за рамки шиитских конфессиональных границ, привлекая даже немусульманские общины, такие как христиане и езиды в Ираке и Сирии, к неформальному сотрудничеству с сопротивлением. Беспрецедентная народная мобилизация против ИГИЛ в Ираке (2014–2017 гг.), объединившая шиитские, суннитские, курдские и христианские силы, стала ярким примером успеха этого стратегического нарратива[31].

Тщательно продуманная структура противостояния принесла два ключевых стратегических преимущества:

– введение более масштабной общей угрозы значительно занизило исторические, религиозные и этнические разногласия внутри сети, связанной с Ираном, создав более сплоченный и эффективный фронт;

– определение сопротивления как одновременной борьбы против иностранной оккупации и внутреннего терроризма позволило создать убедительный нарратив, способный заручиться региональной — и даже глобальной — общественной поддержкой, одновременно противодействуя западным медиакампаниям, изображающим эти группы как «террористических марионеток».

Создание священного, транснационального Я

Второй столп этой инженерии идентичности заключался в построении общей, религиозно окрашенной транснациональной идентичности, преобразующей сеть из тактического объединения в долгосрочный цивилизационный нарратив. Этот процесс был сосредоточен на трансцендентной концепции «сопротивления», как она сформулирована в дискурсе самого движения. Эта идентичность поддерживалась за счет систематического использования символов, коллективных ритуалов и построения нарративов с помощью СМИ с целью объединения разрозненных сообществ в общее коллективное воображение.

Транснациональные ритуалы, такие как ежегодные марши в «День аль-Кудс» из Тегерана в Бейрут и Сану, выступали в качестве перформативного подтверждения идентичности сопротивления. Памятные мероприятия в честь павших бойцов разных национальностей — ливанцев, иракцев, афганцев, пакистанцев и иранцев — и продвижение нарратива «Защитники святынь» углубляли чувство единства и общей цели. Эти ритуалы, освящающие такие понятия, как мученичество и жертвенность, обеспечивали глубокую духовную мотивацию для набора добровольцев.

Наряду с этими ритуалами мощный медиааппарат сопротивления — от традиционных изданий, таких как «Аль-Манар» и «Аль-Маядин», до современных цифровых платформ — неустанно транслировал истории о победе, стойкости и несправедливости, противодействуя доминированию западных СМИ. Такое формирование идентичности оказалось настолько убедительным, что привлекло такие группы, как афганская «Фатемиюн», пакистанская «Зайнабиюн», а также добровольцев из Ирака и Сирии — не посредством принудительной вербовки, а через веру в общую идентичность и глубоко укоренившийся религиозный долг (Cingöz et al., 2024; Wastnidge & Mabon, 2024).

В конечном итоге как «программное обеспечение» «доктрины Сулеймани» это формирование дискурса идентичности посредством параллельного конструирования угрожающего Другого и священного Я превратило сеть сопротивления в осмысленное и устойчивое движение. Способствуя идеологической сплоченности, устойчивой мобилизации населения и легитимности целей, оно не только повысило

URL: https://iranprimer.usip.org/blog/2023/jan/26/iran-us-and-israeli-threats-options (accessed: 05.10.2025).

[31] Soufan A. Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy // CTC Sentinel. November 2018. Vol. 11. Iss. 10. URL: https://ctc.westpoint.edu/qassem-soleimani-irans-unique-regional-strategy/ (accessed: 05.10.2025).

устойчивость сети к военному и психологическому давлению, но и позиционировало ее как решающую силу в формировании региональных и глобальных нарративов. Эта укрепленная база идентичности, в свою очередь, обеспечила необходимую основу для третьего столпа доктрины: управления операционными рисками, которое составляет исполнительную и полевую логику этой сложной архитектуры.

Управление операционными рисками: логика гибридной войны в «серой зоне»

Если первые два столпа «доктрины Сулеймани» — архитектура сетевой власти и проектирование дискурса идентичности — формировали соответственно «тело» и «душу» сети, связанной с Ираном, то третий столп — управление операционными рисками — был ее «мозгом» и исполнительной логикой. Этот столп преобразовывал структурные возможности и идеологическую мотивацию стран «оси сопротивления» в продуманные, высокоэффективные действия на поле боя.

Его суть заключалась в смещении противостояния от дорогостоящих, прямых, симметричных военных столкновений в «серую зону» — неоднозначное пространство между войной и миром, в котором правила ведения боевых действий неопределенны, а ответственность может быть правдоподобно отрицаема (Kalantari & Najafi Sayar, 2024, p. 65). Основанный на гибридной войне и асимметричном сдерживании (Hoffman, 2007), этот подход позволил сети, связанной с Ираном, нанести значительный ущерб таким могущественным соперникам, как США и Израиль, избегая при этом полномасштабных войн, которые могли бы иметь разрушительные стратегические и материальные последствия.

Гибридная война как скоординированная многодоменная стратегия

В основе этой логики лежала скоординированная и одновременная интеграция множества инструментов власти. Наряду с традиционными военными методами, такими как консультирование, вооружение и обучение прокси-сил, доктрина использовала нерегулярные методы, включая партизанскую войну, психологические операции, кибердеятельность и экономическое давление. Такой комплексный подход вовлекал противников в противостояние сразу в нескольких сферах, ограничивая их возможности по нанесению решительного и целенаправленного ответа (Hoffman, 2007, pp. 7–9, 36).

Полевые свидетельства этой гибридной модели были многочисленны. В Сирии и Ираке (2011–2018 гг.) КСИР и его силы «Кудс» не только вооружали и обучали местные формирования, такие как «Аль-Хашд аш-шааби» в Ираке и Национальные силы обороны в Сирии, но и размещали своих командиров на передовых позициях для руководства комплексными операциями. Операции по освобождению Мосула и Аль-Букамаля (2016–2017 гг.) являются яркими примерами, когда наземные наступления Ирака шли одновременно с информационной войной и психологическими кампаниями в социальных сетях, чтобы ослабить моральный дух ИГИЛ (запрещено в РФ) и укрепить легитимность сопротивления[32].

Этот подход обеспечил ряд стратегических преимуществ:

– неожиданность и неопределенность: противникам часто было сложно определить характер, происхождение и конечную цель атак;

– экономическая эффективность для Ирана: опора на силы, мотивированные на местном уровне, снизила необходимость в крупномасштабном развертывании иранских войск;

[32] См.: Amaliyat-e bozorg-e azadsazi-ye Mosul-e Aragh va sharayet-e ayandeh-ye terrorist-ha [Крупная операция по освобождению иракского Мосула и будущие перспективы террористов] // Strategic Council on Foreign Relations. 2016. (На фарси). URL: https://scfr.ir/fa/300/14151/%D8%B9%D9%85%D9%84%DB%8C%D8%A7%D8%AA-%D8%A8%D8%B2%D8%B1%DA%AF-%D8%A2%D8%B2%D8%A7%D8%AF%D8%B3%D8%A7%D8%B2%DB%8C-%D9%85%D9%88%D8%B5%D9%84-%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D9%88%D8%B4%D8%B1%D8%A7%DB%8C%D8%B7/ (accessed: 05.10.2025); Shaeri R. Revayat-e dast-e avval az azadsazi-ye Bukamal / Taktik-ha-yi ke kamar-e Daesh ra shekast [Рассказ из первых уст об освобождении Букамаля: тактики, сломившие хребет ИГИЛ] // Mehr News Agency. January 2, 2021. (На фарси). URL: https://mehrnews.com/xTswN (accessed: 05.10.2025)

Интегрированная аналитическая матрица «доктрины Сулеймани»

Аналитическая рамка	Основные механизмы	Аналитические выводы	Структурные ограничения
1. Архитектура «сетевой власти»	Децентрализованная координация; взаимодействие государственных и негосударственных субъектов; локализация ресурсов	Распределение власти и обязанностей на основе сетевых структур, выходящее за рамки формальных государственных иерархий	Зависимость от внутренней сплоченности; подверженность технологическим и логистическим асимметриям
2. Инженерия дискурса идентичности	Дискурсивное конструирование коллективной идентичности; символическое фреймирование; транснациональные нарративы	Формирование сплоченности и легитимности в различных социальных контекстах	Уязвимость к дискурсивной эрозии, контрфреймингу и ограниченному резонансу за пределами сети
3. Управление операционными рисками	Гибридные и асимметричные практики; двусмысленность и косвенное взаимодействие	Перераспределение и управление рисками между несколькими узлами в условиях неопределенности	Риск эскалации из-за просчетов; чувствительность к передовым технологиям наблюдения и высокоточной диагностики

Источник: составлено А. Зареи.

– устойчивость сети: распределенная оперативная модель поглощала удары, сохраняя при этом наступательный потенциал.

Асимметричное сдерживание и логика наложения издержек

Дополняла гибридную войну асимметричная стратегия сдерживания, разработанная в рамках доктрины: она строилась не на достижении военного паритета, а на поддержании баланса террора посредством разрушительного, невыносимого наложения издержек. Основная логика состояла в том, чтобы удерживать противника в постоянной, дорогостоящей оборонительной позиции, не переходя порог открытой войны.

Эта стратегия работала на основе точного анализа затрат и выгод, систематически воздействуя на экономические, психологические и политические уязвимости противников.

Стратегические функции включали:

– сдерживание на основе разрушения: удары «Ансар Аллах» по нефтяным объектам *Saudi Aramco* в 2019 г. и последующие военно-морские операции против израильских судов в Красном море (2024–2025 гг.) нанесли огромный экономический и психологический ущерб без формального объявления войны[33];

– правдоподобное отрицание: операции, проводимые через сетевые прокси-силы, позволили Ирану отрицать прямую ответственность и значительно снизить риск прямого военного возмездия на своей территории. Многочисленные кибератаки на критическую инфраструктуру Израиля в 2023–2024 гг. являются примером этой тактики[34];

– тактическая гибкость и адаптация к технологиям: страны «оси» быстро внедрили в свой арсенал недорогие, но революционные новые технологии, такие как беспилотники и высокоточные крылатые ракеты, изменив баланс сил на местном и региональном уровнях[35].

Интегрирующая функция управления операционными рисками

По сути, управление оперативными рисками функционировало как интеграционный механизм, связывающий сетевые структуры с мобилизацией на основе идентичности. Сочетание методов гибридной войны с логикой

[33] Blanchard C. M. Yemen: Conflict, Red Sea Attacks, and U.S. Policy // Congressional Research Service. CRS In Focus. No. IF12581. July 22, 2025. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12581 (accessed: 05.10.2025).

[34] Bish az 3 milyon dolar khasarat-e salaneh-ye Sahyonist-ha az hamalat-e sayberi [Ежегодный ущерб сионистов от кибератак превышает 3 млн долларов] // Tasnim News Agency. May 10, 2025. (На фарси). URL: https://www.tasnimnews.ir/fa/news/1404/02/20/3309459/ (accessed: 05.10.2025).

[35] Newman M. Hamas's Cheap, Makeshift Drones Are Outsmarting Israel's High-Tech Military // Bloomberg. December 19, 2023. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-12-19/israel-s-advanced-defenses-are-pierced-by-makeshift-hamas-drones-in-gaza-war (accessed: 05.10.2025).

асимметричного сдерживания позволило сети государственных и негосударственных субъектов, лояльных Ирану, преследовать стратегические цели, сохраняя при этом расчетливый и ограниченный уровень риска. Эта оперативная логика частично компенсировала материальную асимметрию за счет структурных и стратегических преимуществ, способствуя динамичной стратегической глубине Ирана в условиях крайне нестабильной региональной обстановки и завершая общую архитектуру «доктрины Сулеймани» (табл.).

Заключение

«Доктрина Сулеймани», рассматриваемая как локальная, сетецентричная и гибридная парадигма безопасности, представляет собой значительный аналитический отход от доминирующих государственно-центричных подходов к безопасности на Ближнем Востоке. Вместо того чтобы представлять собой предписывающую политическую модель, доктрину лучше понимать как контекстуально обусловленную структуру, посредством которой организуется управление безопасностью в условиях фрагментированной политической и конфликтной среды.

Выйдя за рамки традиционных парадигм, данное исследование реконструировало доктрину как многоуровневую модель, структурированную вокруг трех взаимозависимых аналитических столпов: архитектуры сетевой власти, проектирования дискурса идентичности и управления операционными рисками. Рассматриваемые в совокупности, эти столпы освещают внутреннюю логику, посредством которой в рамках сетевой системы безопасности координируются действия различных субъектов, обеспечивается сплоченность в гетерогенных социальных контекстах и происходит управление рисками в условиях асимметрии и стратегической неопределенности. Сравнительная уникальность этой структуры заключается не в материальном превосходстве, а в акценте на сетевой ориентации, мобилизации на основе идентичности и локализации, что концептуально отличает ее от классических реалистических и западных стратегических моделей.

С аналитической точки зрения данное исследование вносит вклад в критические исследования безопасности и теорию международных отношений, не относящуюся к западным странам, демонстрируя, как безопасность может формироваться вне формальных государственных институтов посредством дискурсивных, сетевых и гибридных механизмов. Таким образом, концепция «доктрины Сулеймани» функционирует как теоретическая линза для изучения альтернативных способов организации безопасности, а не как обобщенная или универсально применимая модель.

В то же время анализ подчеркивает структурные ограничения и уязвимости, присущие таким сетевым системам, включая риски внутренней фрагментации, технологическую асимметрию и развивающиеся формы ведения войны. Эти ограничения подчеркивают ситуативный и контекстно-зависимый характер доктрины и предостерегают от детерминистических интерпретаций.

В конечном счете значение «доктрины Сулеймани» заключается в ее вкладе в переосмысление безопасности за пределами иерархических командных структур и территориально ограниченной власти. Представляя собой аналитически реконструированную парадигму, исследование расширяет концептуальный словарь исследований в области безопасности, демонстрируя, как сетевые экосистемы могут обеспечивать преемственность, адаптивность и стратегическую координацию даже в отсутствие централизованного или харизматичного руководства. В этом смысле исследование открывает новые возможности для теоретического осмысления управления безопасностью в сложных и нестабильных региональных условиях за пределами Ближнего Востока.

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 19.12.2025
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Balzacq T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context // European Journal of International Relations. 2005. Vol. 11, iss. 2. P. 171–201. https://doi.org/10.1177/1354066105052960; EDN: JRSMYJ

Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security : A New Framework for Analysis. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998.

Campbell D. Writing Security : United States Foreign Policy and the Politics of Identity : Revised edition. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1998.

Castells M. Communication Power. Oxford : Oxford University Press, 2009a.

Castells M. The Rise of the Network Society : 2nd edition. Oxford : Blackwell, 2009b. https://doi.org/10.1002/9781444319514

Cingöz M., Özkan F., Alkan Y. S., İzol R. Iran's Axis of Resistance Through the Lens of Ontological Security // Third World Quarterly. 2024. Vol. 45, iss. 13. P. 1963–1980. https://doi.org/10.1080/01436597.2024.2398613

Creswell J. W. Qualitative Inquiry and Research Design : Choosing Among Five Approaches : 3rd edition. Thousand Oaks, CA : Sage, 2013.

Daigle C. The American War for the Greater Middle East: From Diplomacy to Military Intervention // International Journal of Middle East Studies. 2017. Vol. 49, iss. 4. P. 757–765. https://doi.org/10.1017/S0020743817000745

Dehghan H. Shakhesheha-ye farmandehi va moqavemat dar sepahbod-e shahid Haj Qasem Soleymani dar goft-o-gu ba Sardar Hoseyn Dehqan [Особенности командования и сопротивления у генерал-лейтенанта, мученика Хаджа Касема Сулеймани: интервью с генералом Хосейном Дехганом] // Nashriye-ye Motaleat-e Siyasat-e Khareji-ye Tehran [Тегеранские исследования внешней политики]. 2019. No. 14. P. 63–86. (На фарси). URL: https://www.magiran.com/paper/2190648 (accessed: 05.10.2025).

Erfanifar A. Naqsh-e rahbordi-ye Haj Qasem Soleymani dar shekl-giri-ye mehvar-e moqavemat va modiriyat-e towḥidi-ye an [Стратегическая роль Хаджа Касема Сулеймани в формировании оси сопротивления и ее монотеистическом управлении] // Faslnameh-ye elmi-ye hokmrani-ye motaali [Научный ежеквартальный журнал трансцендентного управления]. 2020. No. 1. P. 63–79. (На фарси). URL: https://hm.sndu.ac.ir/article_1131_b376bef7f8b6c30eec22413f141ad765.pdf (accessed: 05.10.2025).

Hoffman F. G. Conflict in the 21st Century : The Rise of Hybrid Wars. Arlington, VA : Potomac Institute for Policy Studies, 2007.

Hybrid Warfare : Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present / ed. by W. Murray, P. R. Mansoor. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. https://doi.org/10.1017/CBO9781139199254

Kalantari F., Najafi Sayar R. Martyr Soleimani's Hybrid Defense Achievements // Strategic Discourse Quarterly. 2024. Vol. 1, no. 1. P. 61–85. URL: https://dor.isc.ac/dor/20.1001.1.30606632.2024.1.1.3.7 (accessed: 12.02.2026).

Keck M. E., Sikkink K. Activists Beyond Borders : Advocacy Networks in International Politics. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1998.

Networked Politics : Agency, Power, and Governance / ed. by M. Kahler. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2009.

Nye J. S., Jr. The Future of Power. New York : PublicAffairs, 2011.

Ronfeldt D., Arquilla J. Networks, Netwars and the Fight for the Future // First Monday. 2001. Vol. 6, no. 10. https://doi.org/10.5210/fm.v6i10.889

Shelah O., Valensi C. The Campaign Between Wars and the IDF // The Campaign Between Wars at a Crossroads : CBW, 2013–2023 : What Lies Ahead? / ed. by J. Rosen. Tel Aviv : Institute for National Security Studies, 2023. P. 59–62. URL: http://www.jstor.org/stable/resrep54964.10 (accessed: 05.10.2025).

Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2009.

Wastnidge E., Mabon S. The Resistance Axis and Regional Order in the Middle East: Nomos, Space, and Normative Alternatives // British Journal of Middle Eastern Studies. 2024. Vol. 51, iss. 5. P. 954–971. https://doi.org/10.1080/13530194.2023.2179975

Wehrey F. M. Sectarian Politics in the Gulf : From the Iraq War to the Arab Uprisings. New York : Columbia University Press, 2014.

Сведения об авторах:

Зареи Али — PhD (история исламской революции), доцент кафедры исламоведения, Центральный Тегеранский филиал, Исламский университет Азад; Исламская Республика Иран, 1469669191, г. Тегеран, пр. Ашрафи Эсфахани, пл. Пунак, б-р Имама Хасана Моджтабы, Академический комплекс Нияеш; ORCID: 0000-0003-3546-5361; e-mail: ali.zareei@iau.ac.ir

Ниязи Ареф Шорби — аспирант, научно-исследовательский филиал, Исламский университет Азад; Исламская Республика Иран, 1477893855, г. Тегеран, б-р Шохада Хесарак, пл. Данешга, ш. Саттари; ORCID: 0009-0008-1859-7737; e-mail: a_shorbiniyazi@outlook.com